

Прошедший в минувшее воскресенье в Турции референдум дает нынешнему президенту страны Реджепу Эрдогану практически неограниченную власть и возможность находиться у штурвала Неоосманской Минииимперии до конца жизни. Да, речь пока идет о продлении его полномочий в данном статусе лишь до 2029 года, но ведь все понимают, что на достигнутом новоявленный султан уже вряд ли остановится. Правда, Эрдоган еще пытается играть в некие понятные ему одному игры, отрицая, что цель проведения референдума и его результаты означают движение в сторону авторитаризма, однако кто ему верит?

Итак, Высший избирательный совет Турции отклонил апелляцию оппозиции на итоги референдума и отказался их аннулировать. Ждать иного вердикта, впрочем, не приходилось, но теперь это документально закреплено. А, значит, Эрдоган может в полном спокойствии праздновать победу. И многочисленные акции протеста ему не помеха. Он уже смотрит далеко вперед. Каким же видит Реджеп Эрдоган будущее своей страны, и что ждет ее граждан в ближайшей перспективе? И чего стоит ожидать другим странам от взаимодействия с новой Турцией? Об этом в нашем сегодняшнем материале.

Результаты референдума ведут к поистине судьбоносным изменениям в жизни страны, однако ждать быстрого эффекта не стоит. Ведь в ближайшее время в силу смогут вступить только три поправки из предлагаемых восемнадцати. Они касаются назначений в Коллегии судей и прокуроров, упразднения военных судов и права президента на сохранение партийной принадлежности. Остальные положения начнут действовать только после следующих выборов президента и состава парламента, запланированных на ноябрь 2019 года. А, следовательно, пока жизнь граждан Турции не претерпит существенных изменений.

*«Другое дело, что через два с половиной года в стране коренным образом изменится система формирования исполнительной власти в Турции, – отметил доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения КФУ **Камиль Ахсанов**. – Начиная с 20-х годов прошлого века, исполнительная власть Турции полностью формировалась Великим национальным собранием.*

Год за годом происходили изменения в нюансах политического устройства страны, сменялись правительства, происходили военные перевороты, но путь формирования исполнительной власти оставался неизменным.

А, значит, власть в стране зависела от расстановки сил в парламенте: какая партия обладает большинством мест в нем, таким и будет правительство. Теперь же, по итогам референдума, исполнительная власть будет комплектоваться из фигур, удобных президенту».

Решая провести референдум, Эрдоган играл по-крупному. Все было поставлено на кон. Отрицательный результат означал бы своего рода вотум недоверия действующему президенту. При этом, надеясь на победу, Эрдоган, безусловно, знал, на какие именно слои населения он опирается. В прессе сейчас открыто муссируется вопрос о том, что поддержали предложения, вынесенные на референдум, наиболее консервативные слои населения, проживающие в глубинке. Эксперт Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ не вполне согласен с таким мнением.

«Большую часть голосов действительно дала глубинка. Но, если мы посмотрим на эти города – Кайсери, Конья, Бурсак, – то становится понятно, что это вовсе не деревеньки, а новые промышленные гиганты с многочисленными заводами и небоскребами. Проблема Эрдогана в том, что он не смог заручиться существенной поддержкой в мегаполисах – Стамбуле, Анкаре, Измире, Адане, – но в остальных крупных городах голосовали именно за его предложения», – обратил внимание

Камиль Ахсанов.

Многие сейчас гадают, каких действий следует ожидать от Эрдогана в дальнейшем. Станет ли его курс во внутренней политике более центристским после победы или по-прежнему будет виден явный уход в сторону своего электората в ущерб оппозиции? Стоит ли ждать жестких действий, адресованных оппонентам?

Доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения **Роман Пеньковцев** считает, что все останется по-прежнему: *«Фактов, говорящих о том, что Эрдоган будет менять свою политику, что он прорабатывает примиренческую линию поведения, пока не наблюдается. А раз мы не видим таких действий, значит должны опираться на то, что уже сделано. Эрдоганом проводится жесткая централизованная политика, которая препятствует действиям оппозиции. На ближайшую перспективу мы можем с уверенностью говорить о том, что избранный вектор развития политической ситуации останется действующим.*

Те же, кто раскладом событий недоволен, будут вынуждены либо смириться, либо попасть под определенного рода санкции».

С ним солидарен и его коллега **Камиль Ахсанов**, замечающий, что резких скачков в поведении президента Турции не предвидится. Меры, направленные на укрепление исполнительной власти, на обеспечение национальной безопасности, на освоение отраслей промышленности, обеспечивающих независимость государства, таких, как машиностроение и военно-промышленный комплекс, будут активно применяться и далее. То же самое касается и внутренней политики, считает эксперт: *«Сюрпризов от Эрдогана я не ожидаю, кроме, разумеется, анонсированного восстановления смертной казни. Как известно, отмена смертной казни – это одно из основополагающих требований Евросоюза для будущих членов объединения. Поэтому, если население Турции на соответствующем*

референдуме выступит за смертную казнь, это будет означать, что представители этой страны не хотят вступать в ЕС».

Если говорить о жесткой линии поведения по отношению к оппозиционно настроенному населению, **Камиль Ахсанов** предлагает для начала поразмыслить о том, какие действия стоит считать жесткими, а также о том, что означает фраза «мыслят оппозиционно». По его словам, многим гражданам Турции не нравятся моменты, когда Эрдоган апеллирует к каким-то архетипам в сознании, опирается на базовые догмы о возрождении религиозности в умах общества в большей степени, вводит запрет на употребление алкоголя в тех или иных местах, но это не значит, что они в целом противостоят политике Эрдогана. Тем более здесь не приходится говорить и о какой-то жесткости или жестокости в действиях Эрдогана, ведь это даже отдаленно не напоминает существенное ограничение свободы, радикальные проявления исламизма или репрессии.

*«При этом нужно учитывать тот факт, что турки при Эрдогане стали жить так, как они не жили никогда ранее. Такой уровень жизни, который мы видим в современной Турции, был ранее не достижим. Даже, к примеру, при Тургуте Озале, политику которого называли турецким чудом, население страны жило гораздо хуже, – подчеркнул **Камиль Ахсанов**. – Я назову лишь одну цифру, и она поставит все на свои места. В начале 2000-х*

годов Турция занимала 26 место в мире по уровню ВВП, на сегодняшний день она находится на 18-й позиции».

Единственная сфера, где можно опасаться действительно жестких действий, – это взаимодействие властей с вооруженными силами Турции, думает эксперт. Он отметил, что начиная с 60-х годов прошлого столетия, когда произошел первый и, по его мнению, единственный настоящий военный переворот, армия в Турции была замкнутой структурой, захватившей власть и подстроившей политическую систему под себя. Она несколько раз вводила в конституцию страны нормы, согласно которым получала возможность детально вмешиваться в политическую жизнь страны. В свою очередь, всенародно избранная гражданская власть теряла инструменты контроля над армией. Кадровая политика, назначение высшего офицерского состава, не говоря о младшем командном составе, была в руках самих военных, а делом гражданских было утверждать и подписывать.

*«Эрдоган начал ломать эту систему еще несколько лет назад, и попытка переворота, которая произошла в июле, была прогнозируема, – заметил **Камиль Ахсанов**. – Я бы не исключал*

повторения подобных массовых зачисток в армейских рядах как некоего акта отчаяния. Без особой даже надежды на успех, но как способ дестабилизировать обстановку. Ведь в прошлом году движущей силой, попытавшейся совершить государственный переворот, выступили те военачальники, которые на словах были лояльны Эрдогану. Те, кто выступали в открытую против, уже давно были зачищены на тот момент и сидели по тюрьмам. Некоторые из тех, кто ему сейчас клянется в верности, могут пойти вновь на что-то подобное, и Эрдоган это понимает».

Правда, говорить о том, что очередная попытка военного переворота в Турции может оказаться удачной, не приходится. Эрдоган поступил разумно, открыв путь для набора в армию бывших выпускников религиозных учебных заведений. Таким образом, младший командный состав сейчас во многом сформирован из этих выпускников, имеющих дипломы имам-хатыбов, а звание лейтенанта им присваивается всего лишь после прохождения краткого курса обучения военному делу, поделился своими мыслями эксперт.

Теперь отвлечемся от внутривнутриполитической обстановки в Турецкой Республике. Наших соотечественников, безусловно, волнует, как будут теперь выстраиваться взаимоотношения Турции и России. В этом вопросе мнения экспертов Института международных отношений, истории и востоковедения разделились.

Роман Пеньковцев считает, что в свете последних событий, а именно высказываний Реджепа Эрдогана о бомбардировках в Сирии, можно говорить о возвращении к напряженным отношениям. Такого рода ход со стороны властей Турции, по его мнению, был удручающим откровением для России.

«Если Эрдоган не начнет менять ту тактику, которую он начал после бомбардировки, то нужно задуматься о том, что последует дальнейшее охлаждение российско-турецких отношений, – убежден эксперт. – То, что Эрдоган начал препятствовать проведению миротворческих действий России в Сирии, означает, что он занимает недружественную позицию по отношению к России и в целом по международно-стратегической линии. Значит, он лоялен к противникам России по многим вопросам. Здесь, думаю, можно обобщать. Вероятно, все еще изменится, но пока ничто не говорит о его стремлении улучшить отношения с Россией. Несколько противоречит визит турецкой делегации в Россию, но это, скорее, говорит о том, что Эрдоган пытается усидеть одновременно на двух стульях».

В свою очередь, **Камиль Ахсанов** настроен более оптимистично. На его взгляд, факт визита турецкой делегации в Россию для разрешения оставшихся между двумя странами проблем в экономической сфере, играет значимую роль и оставляет

возможность надеяться на лучшее.

От конфликтов России и Турции в исторической ретроспективе всегда выигрывал Запад. На многих русско-турецких войнах Запад строил свою политику и решал свои вопросы. После первых шагов в рамках открытого конфликта из-за сбитаго турецкой стороной российского Су-24, у обеих лидеров, к счастью, хватило ума не дать разрастись конфликту, замечает эксперт.

Что же касается выстраивания отношений с Евросоюзом, здесь тоже многое остается неясно. С одной стороны, всем, безусловно, понятно, что о евроинтеграции Турции можно забыть, и это выглядит как крах политики Эрдогана в этом направлении. С другой стороны, у президента Турции в качестве козыря в рукаве остается своего рода ключ от ворот в Европу для беженцев, что может сыграть свою роль в отношении Турции и ЕС. И здесь у экспертов нет единого мнения.

Так, **Камиль Ахсанов** считает, что говорить о крахе для Эрдогана не стоит по той простой причине, что никто не знает, что у него было на уме изначально, видел ли он в принципе Турцию в составе Евросоюза. Ведь это налагает множество обязательств, которые, в конечном счете, могут оказаться вовсе не на руку властям Турецкой Республики. Важно же для Эрдогана во взаимодействии со странами ЕС наличие безвизового режима для своих граждан, ведь многие турецкие семьи живут, так сказать,

по разные стороны баррикад, важно наличие путей сбыта готовой турецкой продукции на европейские рынки и также важна Европа как источник новых технологий. И в этом смысле беженцы могут оказаться неплохим инструментом для манипуляций Евросоюзом. К слову, первые сообщения об увеличивающемся потоке беженцев на границе Турции, Греции и Болгарии уже стали поступать.

В свою очередь, **Роман Пеньковцев** считает, что беженцы как инструмент воздействия для ускорения процесса вступления в ЕС были неплохим вариантом, однако теперь перед Турцией стоят совсем иные задачи, и на повестку дня будут выноситься совсем иные вопросы. Таким образом, тема беженцев более не будет являться приоритетной и постепенно уйдет на второй план.